

ФИЛОЛОГИЯ

ВОЙНА КАК ДУХОВНАЯ ИНИЦИАЦИЯ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АРХЕТИПЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

© В. Ю. Даренский

Даренский Виталий Юрьевич
кандидат философских наук
доцент кафедры социологии
Луганская академия
внутренних дел
им. Э. Дидоренко
(г. Луганск, Украина)
e-mail: darenskiy@yahoo.com

В статье рассматриваются экзистенциальные аспекты русской поэзии о Великой Отечественной войне. В качестве главных экзистенциальных архетипов, определяющих значимость этих поэтических текстов не только как фактов историко-литературного ряда, но и как особого феномена русской культуры, несущего в себе актуальное духовно-нравственное содержание, выделяются: 1) прохождение через символическую смерть; 2) вхождение в сакральную общность людей Родины; 3) трагическая вина и ее искупление. Показана общекультурная ценность и актуальность русской поэзии периода Великой Отечественной войны в качестве источника знания о живом опыте победы над Смертью и Неправдой.

Ключевые слова: русская поэзия, Великая Отечественная война, экзистенциальные архетипы, смерть, сакральная общность, Родина, трагическая вина, искупление.

*Мы писали о жизни... о жизни,
Не делимой на мир и войну.*

А. Межиров

В Евангелии сказано, что нужно больше бояться убивающих душу, чем убивающих тело... На войне разрушают физическую оболочку человека, ядро же человека, душа его может остаться не только не разрушенной, но может даже возродиться.

Н. Бердяев

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые...

В. Высоцкий

В событиях, ставящих целый народ на грань жизни и смерти, проявляются самые лучшие, заветные его нравственные черты, которые нужно помнить и хранить навсегда. Поэзия о Великой Отечественной войне, помимо своего особого значения в истории русской литературы, остается неиссякаемым хранилищем исторической памяти и духовного опыта народа, которые никому не удастся разрушить: «*Наши павшие — как часовые*».

Поэзия о Войне — это совершенно особый род поэзии не только по «тематике», но и по своему внутреннему настроению, по тому человеческому состоянию, которое она передает. Не стоит забывать, что светская поэзия, собственно, и родилась из войны, точнее из памяти о войне. Самая ранняя поэзия всех великих народов — это эпос о войне. Более ранним видом поэзии являются религиозные гимны, но мы говорим о поэзии именно светской.

Однако для современной цивилизации опыт войны и, в частности, опыт военной поэзии приобрел специфическое значение. В период Первой мировой войны, которая официально называлась Второй Отечественной, многие русские философы размышляли о смысле войны. Особенно интересны высказывания Н. А. Бердяева. Он писал: «Война не создала зла, она *лишь выявила зло*. Все современное человечество жило ненавистью и враждой. Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностным покровом мирной буржуазной жизни, и ложь этого буржуазного мира, который многим казался вечным, должна была быть разоблачена. Истребление человеческой жизни, совершаемое в мирной буржуазной жизни, не менее страшно, чем то, что совершается на войне»; поэтому «физическое насилие, завершающееся убийством, не есть что-то само по себе существующее как самостоятельная реальность, — оно есть знак духовного насилия, совершившегося в духовной действительности зла. Природа войны, как материального насилия, чисто рефлективная, знаковая, симптоматическая, не самостоятельная. Война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни. Природа войны — символическая. Такова природа всякого материального насилия, — оно всегда вторично, а не первично»¹. То есть война есть радикальный *суд над жизнью*, обличающая ее самые глубокие пороки, обычно старательно замаскированные в мирной жизни. При этом в мирной жизни губится не меньше человеческих судеб и жизней, но лишь под лицемерным покровом «нормы» и привычки.

Еще Н. А. Бердяев писал: «В Евангелии сказано, что нужно больше бояться убивающих душу, чем убивающих тело. Физическая смерть менее страшна, чем смерть духовная. А до войны, в мирной жизни убивались души человеческие, угашался дух человеческий, и так привычно это было, что перестали даже замечать ужас этого убийства. *На войне разрушают физическую оболочку человека, ядро же человека, душа его может остаться не только не разрушенной, но может даже возродиться*. Очень характерно, что более всех боятся войны и убийства на войне — позитивисты, для которых самое главное, чтобы человеку жилось хорошо на земле, и для которых жизнь исчерпывается эмпирической данностью. Тех, кто верит в бесконечную духовную жизнь и в ценности, превышающие все земные блага, ужасы войны и физическая смерть не так

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М. : АСТ, 2005. С. 248–249; 247.

страшат. Этим объясняется то, что принципиальные пацифисты встречаются чаще среди гуманистов-позитивистов, чем среди христиан. Религиозный взгляд на жизнь глубже видит трагедию смерти, чем взгляд позитивно-поверхностный. Война есть страшное зло и глубокая трагедия. Но зло и трагедия не во внешне взятом факте физического насилия и истребления, а гораздо глубже² [Курсив мой. — В. Д.]. В выделенных нами словах содержится именно тот важнейший смысл войны, который делает ее духовным испытанием народа и который, несмотря на огромные жертвы и бесчисленные трагедии, делает народ сильнее, чем он был ранее, именно в нравственном, духовном отношении. Война дает тот опыт Родины, который созидает народ как единое целое, и ту священную память о героях и жертвах, которая делает и все последующие поколения готовыми к подвигам и жертвам ради защиты своих святынь.

Поэты Войны очень хорошо осознавали, что законы жизни едины, а война лишь выявляет их наиболее острым, ясным и трагическим образом. Об этом со всей определенностью сказано, например, в строках А. Межирова:

О войне ни единого слова
Не сказал, потому что она —
Тот же мир, и едина основа
И природа явлений одна.

Пусть сочтут эти строки изменой
И к моей приплюсуют вине:
Стихотворцы обоймы военной
Не писали стихов о войне.

Далее мы кратко выделим три важнейшие, как нам представляется, смысловых, мировоззренческих «узла» поэзии о Великой Отечественной войне, определяющих ее непреходящее духовное значение. Это попытка в рациональных категориях очертить специфику того опыта, который всегда остается насущным для людей любой эпохи. Эти «узлы» носят характер особых *экзистенциальных архетипов*, то есть являются универсальными общечеловеческими смыслами, скрытыми за эмпирическими явлениями культуры, в том числе и в поэтических текстах. Поэтому они требуют специальной «расшифровки». Из огромного массива поэтических текстов о войне мы выделяем такие, в которых эти архетипы наиболее явственны; а принцип отбора состоит также и в том, чтобы эти тексты имели высокий художественный уровень и принадлежали достаточно известным авторам.

Такой ракурс рассмотрения избран, во-первых, исходя из принципа понимания поэзии о войне как важнейшего средства передачи не только исторической, но и экзистенциальной и нравственной памяти поколений; а во-вторых, потому, что при достаточно широком исследовании военной поэзии в предшествующие десятилетия (особенно следует отметить работы А. М. Абрамова³),

² Бердяев Н. А. Судьба России. С. 249.

³ См.: Абрамов А. М. В огне Великой войны: Проблематика. Стиль. Поэтика. Воронеж : Центр.-Чернозем. Кн. изд-во, 1987. 510 с.; Абрамов А. М. Лирика и эпос Великой Отечественной войны: Проблематика. Стиль. Поэтика. М. : Сов. писатель, 1975. 559 с.

именно уровень базовых экзистенциальных архетипов в них почти не затрагивался, поскольку это не входило в парадигму советского (и не только советского) литературоведения.

Архетип-1: Прохождение через символическую смерть

Во всех человеческих культурах Война является одним из символов «инициации», то есть символического прохождения через смерть, испытания смертью, после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать ее как бы со стороны, «с точки зрения вечности». Погибшие на войне — те, для кого смерть стала не символической, а реальной, после инициации воспринимаются как бессмертные — то есть *утвердившие свое бытие в вечности* и покинувшие этот мир. В лирической поэзии появился и особый прием самоотождествления автора с погибшим, высказывание от его имени. В русской поэзии о Великой войне самым ярким примером этого является знаменитое «Я убит подо Ржевом...» Твардовского:

Я убит подо Ржевом,
В безымённом болоте...

И во всём этом мире,
До конца его дней,
Ни пеллички, ни лычки
С гимнастёрки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме,
Я — где в облаке пыли
Ходит рожь на холме.

Где травинка к травинке
Речка травы прядёт,
Там, куда на поминки
Даже мать не придёт...

Я убит и не знаю —
Наш ли Ржев наконец?

Самоотождествление автора с погибшим парадоксально: погибший полностью за пределами этого мира, но боль его не покидает: «Наш ли Ржев наконец?»... А главное, зачем живому поэтически ставить себя на место мертвого? Чтобы пережить величие и брэнность земной жизни в их особом парадоксальном единстве — и чтобы побороть в себе страх смерти. Вот это переживание и преодоление страха и есть результат духовной инициации.

Похождение через смерть поэты описывали и более буквально, даже передавая сам этот миг: например, Сергей Орлов («Мой лейтенант»):

Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.
Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя? Она бы лишь была...

Это написано на личном опыте: когда немецкий термитный снаряд прожег толстую броню тяжелого танка КВ, и белое адское пламя ворвалось внутрь, и нечеловеческие крики заживо сгорающего экипажа заглушали грохот боя, лейтенанту Сергею Орлову удалось выпрыгнуть из башенного люка за мгновение до взрыва боекомплекта — он еще был нужен Богу и Родине чтобы написать «Его зарыли в шар земной...» и еще много других стихотворений, которые в русской поэзии останутся навсегда. Всю жизнь он потом носил стигматы тяжелых ожогов на лице, и понял в этом особый смысл:

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Это лицо — как внутренняя сторона жизни, напоминание о ее цене. В этом проявляется внутренняя амбивалентность Лица как символа открытости человека миру — оно может и являть, и утаивать. Лицо по своей природе стремится являть лучшее, красивое, и утаивать худшее, страшное. А здесь все происходит наоборот: лицо являет то, что лицом не является — изуродованную человеческую плоть. И этим оно являет экзистенциальную правду о мимолетности земного бытия и его скоропреходящих красот.

У С. Орлова, как мало еще у кого, прохождение через смерть показано как рутинная, будничная *работа*:

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин КВ ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

Символическое прохождение через смерть, духовная инициация делает человека другим, радикально трансформирует его личность. Но сам этот переход, даже если человек и остается жив, естественно, страшен, мучителен и в физическом, и в душевном смысле. Только в этих муках и этом страхе («Кто говорит, что на войне не страшно/Тот ничего не знает о войне» — Ю. Друнина), на пределе человеческих возможностей, которые оказываются намного большими, чем в мирной жизни, — преобразается человеческая душа. Самим человеком это ощущается как погружение во тьму, в объятия смерти, из которых он восстает только чудом. Но именно в этой тьме и отчаянии смерти, царящей вокруг, в человеке вдруг рождается невероятная внутренняя сила — но *сила, не делимая с чувством правды*. Вот как это показано в пронзительных и мощных по духу строках Николая Старшинова:

Они засели на высотах.
И ночью сумрачной и днем,
Нас давят громом пулеметов,
И заливают нас огнем...

А мы лежим в проклятой пади,
Глотая стелющийся дым:
И ни одной продрогшей пяди
Не отдадим, не отдадим!

В канун двадцатипятилетия Победы в еженедельнике «Литературная Россия» были напечатаны стихи Сергея Аракчеева «Безымянное болото»⁴:

Мы в том болоте сутки спали стоя,
Нас допекали мухи и жара.
Оно было зеленое, густое,
Там от застоя дохла мошकारа.
Там не хотели рваться даже мины
И шли ко дну, пуская пузыри...
И если б не было за ним Берлина —
Мы б ни за что сюда не забрели.

Это стихотворение важно не только тем, как в нем явлена внутренняя смысловая напряженность войны — из каждого болота словно виден уже Берлин, но и открыт важный парадокс и жизненный символ: в этом болоте *проходящие через смерть становятся неуязвимы для нее*: прилетающие немецкие мины плюхаются в болотную жижу и не взрываются, потому что их взрыватели рассчитаны на твердый грунт. Конечно, многие погибли там, но те, кто выживет — воочию увидели, что и сама смерть не всесильна.

Э. Юнгер писал о состоянии некой «метафизической неуязвимости» человека на войне, когда смерть рассматривается лишь как нечто, что «принимается в расчет», но не более того — человек начинает воспринимать себя уже как бы по ту сторону смерти: «Когда борьба идет на духовном плане, смерть принимают в расчет как один из элементов стратегии. Человек становится неуязвимым: мысль о том, что враг может уничтожить его физически, пугает меньше всего... Временами кажется, что он отступает перед близостью смерти, но в этом он похож на полководца, который не спешит подавать сигнал к наступлению и терпеливо ждет своего часа»⁵.

В прохождении через смерть важнейшим событием всегда является индивидуальный подвиг, индивидуальная моральная победа над смертью. Вот как об этом пишет О. Берггольц, грозная муза блокадного Ленинграда:

Когда прижимались солдаты, как тени,
к земле и уже не могли оторваться, —
всегда находился в такое мгновенье
один безымянный, Сумевший Подняться.

Правдива грядущая гордая повесть:
она подтвердит, не прикрасив нимало, —
один поднимался, но был он — как совесть.
И всех за такими с земли поднимало.

⁴ Цит. по: Коган Л. Перечитывая Войну (Литературно-критические очерки). М. : Худ. лит., 1975. С. 9, 63.

⁵ Юнгер Э. Из философской прозы // Иностранная литература. 1991. № 11. С. 213.

Поднявшийся — это победивший страх смерти, уже *прошедший* через Смерть, даже если он и будет сражен пулей уже в следующее мгновение. Так, например, произошло со знаменитым Комбатом — навсегда оставшимся на фотографии поднимающим в атаку бойцов — это было под селом Хорошим в тридцати километрах от Луганска, и там сейчас стоит большой памятник ему на шоссе на Лисичанск. Комбат по фамилии Еременко погиб уже всего через несколько секунд после того, как корреспондент, находившийся на самой передовой линии, под пулями, сделал этот снимок, ставший одним из самых известных и символических фотоснимков Войны.

Очень интересна в этом отношении советская народная песня «На поле танки грохотали...», в которой поется о *гибели* танкового экипажа, но поется на мотив *свадебной песни!* Более того, в ней есть и откровенно раблезианские элементы: песня о гибели заканчивается веселой двусмысленной строкой: «И дорогая не узнает/Какой у парня был конец» — которая одновременно и крайне трагична, указывая на факт гибели, и одновременно шутивая и весела именно в раблезианском смысле — как *веселость победы над смертью*.

По танку вдарила болванка,
Прощай, родимый экипаж!
Четыре трупа возле танка
Дополнят утренний пейзаж.

Две последние строки могут показаться цинизмом, но это... веселье.

Такой стала русская народная песня в XX веке — лихо рифмующая французские слова «экипаж» и «пейзаж» и бесстрашно смеющаяся в лицо грозной и неотступной смерти. Интересно также, что эта песня была сложена на мотив известной донбасской песни о гибели «молодого коногона» (здесь его заменили на «молодого командира»), которая существовала в 1920-1930-х годах и которую у нас еще немного помнят до сих пор. Тот первичный вариант шахтерской песни был однозначно печальным и трагичным. А новый военный вариант вдруг сделал мотив энергичным и веселым. Вообще, мотив «венчания со смертью» и символическая аналогия между свадьбой и похоронами — это, как известно, очень архаический пласт культуры, самый глубокий архетипический сюжет. И вдруг война XX века снова оживила его — и прямо вынесла в поэтику народной песни.

Самоотождествление автора с погибшим часто приобретает и глубоко лирический, почти мистический смысл и звучание. *Общность Смерти человеческой, способность пережить чужую смерть как свою — это глубочайший уровень поэтического и нравственного постижения мира* (они здесь нераздельны). Таково стихотворение А. Твардовского «Две строчки»:

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.
Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,

Далеко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забывший, маленький, лежу.

(1943)

Отнюдь не случайно здесь это символическое сочетание «мертвый — одинокий». Тема экзистенциального одиночества человека — как известно, ключевая для всей литературы XX века, но обычно она считается сугубо интеллектуальным феноменом, следствием сытой, но бессмысленной жизни в «развитом обществе». Однако возможно, глубже всего она захватывает нас именно в стихах о войне. Страшное экзистенциальное одиночество убитого у О. Берггольц переживается как вселенская, космическая трагедия:

...Как одинок убитый человек
на поле боя, стихшем и морозном.
Кто б ни пришел к нему, кто ни придет,
ему теперь все будет поздно, поздно.

Еще мгновенье, может быть, назад
он ждал родных, в такое чудо веря...
Теперь лежит — всеобщий сын и брат,
пока что не опознанный солдат,
пока одной лишь Родины потеря...

он отдан Родине сейчас,
она одна сегодня с ним пребудет.
Единственная мать, сестра, вдова,
единственные заявив права, —

всю ночь пребудет у сыновних ног
земля распластанная, тьма ночная,
одна за всех горя, плача, зная,
что сын — непоправимо одинок.

Особый «космизм» самой Смерти здесь становится парадоксальным утверждением особого величия человека, его равномоности миру и его неподвластности смерти, которая забирает лишь тело, освобождая душу:

Мертвый, мертвый... Он лежит и слышит
все, что недоступно нам, живым:
слышит — ветер облако колышет,
высоко идущее над ним.

Слышит все, что движется без шума,
что молчит и дремлет на земле;

и глубокая застыла дума
на его разглаженном челе.

Этой думы больше не нарушить...
О, не плачь над ним — не беспокой
тихо торжествующую душу,
услышавшую земной покой.

Возвышенный космизм смерти, преодолевающий земной трагизм и передающий катарсис души, находим в известном стихотворении С. Орлова:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

Однако естественно, что далеко не всегда происходит благотворный катарсис, часто и очень часто прохождение через смерть «ломает» душу человека, становится исключительно деструктивным опытом, которые не только ничего не вносят в последующую мирную жизнь, но наоборот, делает ее невозможной для такого надорвавшегося душой человека. Этот случай весьма ярко передан в стихотворении А. Межирова «Прощай, оружие!»

Он от голода умирал.
На подбитом танке сгорал.
Спал в болотной воде. И вот
Он не умер. Но не живет.

Он стоит посредине Века.
Одинешенек на земле.
Можно выстроить на золе
Новый дом. Но не человека.

Он доглы растрочен в бою.
Он не видит, не слышит, как
Тонут лилии и поют
Птицы, скрытые в ивняках.

Война как *неисцелимая рана* — этот поэтический опыт войны особенно мощно раскрыт в поэме Твардовского «Дом у дороги» (1946). Как справедливо пишет известный критик В. Гусев, «недооценённая и критикой, и читателем в тени “Тёркина” великая поэма “Дом у дороги”, где голое трагическое чувство просто мешает читать — так напрягаются нервы и чувства все. Солдат вернулся с войны, а *дома* — нет»⁶. «“Дом у дороги” — отмечает этот автор, — заветная поэма Александра Твардовского... не даёт перевести дух; трудно читать, перечитывать “Дом у дороги”. Нет никаких пауз, интервалов и послабле-

⁶ Гусев В. Александр Твардовский // Два Александра: Критические статьи / В. Гусев. М. : МГО СП России, 2008. С. 27.

ний; душа напряжена непрерывно — и не вздумайте читать это вслух: слёзы не дадут опомниться, сомнут голос»⁷. Это по существу своему не просто поэтический, а *инициационный* текст, то есть порождающий духовную инициацию в читателе за счет предельно концентрированной передачи трагического опыта войны. Для того чтобы почувствовать глубинный смысл всей поэмы, нужно лишь вспомнить слова, которые мать говорит новорожденному в плену ребенку:

Живым родился ты на свет,
А в мире — зло несytое.
Живым беда, а мёртвым — нет,
У смерти под защитою.

Страшные слова! Это сказано словно уже с *той* стороны жизни...

Такой сжигающий душу опыт войны, естественно, существовал во все времена, но, судя по всему, именно для нашей Великой всенародной войны он стал если не доминирующим и определяющим, то, во всяком случае, самым глубоким, глубже всего и навсегда отложившимся в народной памяти. Для сравнения стоит вспомнить поэтическое отражение Первой мировой (Второй Отечественной) войны, которая была мало интересна тогдашним поэтам. Почти единственным исключением стал Н. Гумилев, сам участник и герой этой войны. В его поэзии мы имеем ряд ярких и мощных выражений подлинно народного понимания Войны, воспитанного Православием.

В восприятии войны как таковой Н. Гумилеву свойственна совершенно удивительная эпическая, Гомерова созерцательность⁸:

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.
А «ура» вдали — как будто пеньё
Трудный день окончивших жнецов.

Здесь война переживается как, с одной стороны, обыденная народная работа, а с другой — как некая часть естественного природного, вселенского бытия; здесь явлен какой-то «космический» взгляд на войну.

В таком же эпически-умиротворенном настроении передается в особенно паразитическом стихотворении Н. Гумилева «Смерть»⁹ и сама смерть воинов — как суровый, долгожданный и торжественный переход в Вечность, в Царствие Небесное:

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Верись в знамя Господне, твердь.

И за это знаешь так ясно,
Что в единственный, строгий час,
В час, когда, словно облак красный,
Милый день уплывет из глаз,

⁷ Там же. С. 28.

⁸ Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1988. С. 213.

⁹ Там же. С. 235.

Свод небесный будет раздвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.
Там Начальник в ярком доспехе,
В грозном шлеме звездных лучей,
И к старинной, бранной потехе
Огnekрылых зов трубачей.

Но и здесь на земле не хуже
Та же смерть — ясна и проста:
Здесь товарищ над павшим тужит
И целует его в уста.

Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.

Но уже для воинов Великой Отечественной, которых хотя и успели крестить в детстве, но всю остальную жизнь укореняли в безбожии — для них уже не могло быть такого мистериального и умиротворенного восприятия смерти: смерть для них предстала в своем обнаженном бессмысленном лике — и именно в этом самом трудном состоянии они умели победить страх перед ней. Этот опыт бесконечно ценен для всех, независимо от мировоззрения.

Архетип-2: Вхождение в сакральную общность людей Родины

Прохождение через смерть меняет человека не только самого по себе, но меняет и всю общность людей, именуемую народом. Культуролог Виктор Тернер назвал общность людей, проходящий инициацию (символическую смерть) *коммунитас* (*communitas*): этот термин обозначает «качество полного неопосредованного общения, даже единства вероисповедания, между людьми определенной установленной идентичности, которое возникает спонтанно во всех типах групп, ситуаций и обстоятельств... Чувство единства (*sharing*) и интимности, которое развивается в группе лиц, совместно испытывающих лиминальность»¹⁰. («Лиминальность» — это особое «пограничное» состояние между жизнью и смертью).

Проходя через смерть в страшной Войне, аморфный ранее народ, не единый по своим качествам и убеждениям, осуществляет вхождение в сакральную общность людей Родины. (Отказавшиеся войти в эту общность становятся Предателями в сакральном смысле этого слова, делающим невозможным никакое прощение и забвение в принципе — таковы, например, гитлеровские пособники всех мастей и народностей, из которых ныне пытаются делать «героев»). Сакральная общность людей Родины создается общей бедой и горем, а формируется на века — общей Победой.

Экзистенциально это выражается в том особом опыте, который так скромно, но незабываемо передан в простых строчках С. Орлова:

¹⁰ Turner E. *Communitas, Rites of // Encyclopedia of Religious Rites, Rituals, and Festivals / Ed. Frank A. Salamone. N.Y. : Routledge, 2004. P. 103.*

Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя? Она бы лишь была...

Прохождение через опыт смерти особенно глубоко переживается в периоды поражений, горя и даже отчаяния. Как писал А. Твардовский, «духовная сила народа способна поэтически сказаться не только и, может быть, даже не столько в песне торжества и победы, но и в песне горя и скорбного гнева, в котором — бессмертие и непобедимость народа»¹¹. Именно такие стихотворения заложили нравственный фундамент поэзии о Войне уже в самом ее начале. Например, это «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» К. Симонова:

Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: — Господь вас спаси! —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих...

Здесь сакральная общность устанавливается между поколениями Руси — древней и новой. Именно она и становится основой силы народа.

Очень важно, что *к этой общности присоединяются и недавние враги из белой эмиграции*. Более того, например, Юрий Терапиано в стихотворении «Из военного цикла»¹² сознательно и молитвенно воспекает это сакральное единство «белой» и «красной» России, объединенных общей бедой:

В грозе, в дыму, Господь, благослови
И удостой в раю счастливой вести,
Грехов прощенья и Твоей любви
Безбожников и верующих вместе.

Одним покровом, Боже, осени,
Дай русским соснам их прикрыть ветвями,
Штыки, снаряды, пули отклони,
Незримый щит подняв над их рядами.

О, сколько алой крови на снегу!
Встают бойцы навстречу рати черной,
Стоят они, наперекор врагу,
России новой силой чудотворной,

¹¹ Твардовский А. Т. Аркадий Кулешов // Собр. соч. в 5 т. / А. Т. Твардовский. Т. 5. М.: Худ. лит., 1971. С. 30.

¹² Терапиано Ю. Избранные стихи. Вашингтон: Изд. кн. маг. Victor Kamkin, Inc., 1963. С. 98.

России прежней славою былой,
Как некогда на Куликовом Поле,
В огне Полтавы, в битве под Москвой...
Благослови народ великий мой
В его великой трудности и боли!

Известный российский историк академик Н. А. Нарочницкая писала: «Без осознания смысла Великой русской Победы — этого важнейшего события нашей многострадальной истории в XX веке невозможно понять суть мировых процессов и судьбу послевоенного СССР. *Ибо Великую Отечественную Войну СССР выиграл в своей ипостаси Великой России... Став Отечественной, война востребовала национальное чувство русского народа и его духовную солидарность, разрушенные классовым интернационализмом, очистила от скверны братоубийственной гражданской войны и воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально, и в государственном будущем разорванную, казалось, навеки, нить русской и советской истории...* в окопах Сталинграда в партию вступили обыкновенные почвенные русские люди, преимущественно крестьяне. И те, кого в двадцатые годы учили по первым большевистским учебникам глумливо называть Святого Благоверного Александра Невского классовым врагом, на Прохоровском поле умирали “за советскую Родину” в танке, носящем его имя. Это не парадокс, это Промысел»¹³.

Сергей Орлов написал о них стихотворение «Танки в Новгороде»:

Мать — новгородская София —
Стены опаленного кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.

Громяхая тяжкою броней,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.

Эта живая преемственность не дала погибнуть Руси.
О ней писала А. Ахматова в знаменитом «Мужестве»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем

Навеки!

¹³ Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М. : Минувшее, 2005. С. 32—33.

С другой стороны, война и гибель сочетает в единую священную общность Родины всех за нее погибших, независимо от их личных качеств Вот как об этом говорит А. Ахматова:

Ни плохих, ни хороших, ни средних.
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних...
Все они опочили там.

А. Ахматова пишет о своем мистическом видении — единства живых и мертвых в единых рядах страдальцев Ленинграда:

Рядами стройными проходят ленинградцы,
Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.

Священная общность Родины объединена единой скорбью о погибших. О такой скорби пишет О. Берггольц:

Пусть она, чистейшая, святая,
душу нечерствеющей хранит.
Пусть, любовь и мужество питая,
навсегда с народом породнит.

Незабвенной спаянное кровью,
лишь оно — народное родство —
обещает в будущем любому
обновление и торжество.

Последнее четверостишие — это очень мощная поэтическая формула, выражающая неизменный исторический и нравственный закон: Родина создается как «народное родство, спаянное кровью» — но оно, в свою очередь, становится неиссякаемым источником сил для совершенствования и преобразования человека как личности, его «обновления и торжества».

Причастность к священной общности Родины делает слабого — сильным; а сила Родины состоит из маленьких «капелек» сил ее народа. А. Межиров замечательно написал об этом в «Защитнике Москвы»:

Невысокого роста
И в кости не широк,
Никакого геройства
Совершить он не смог.

Но с другими со всеми,
Не окрепший еще,
Под тяжелое Время
Он подставил плечо:

Под приклад автомата,
Расщепленный в бою,
Под бревно для наката,
Под Отчизну свою.

Был он тихий и слабый,
Но Москва без него
Ничего не смогла бы,
Не смогла ничего.

Причастность к священной общности Родины преобразует человека, вдруг выявляет в нем самые высшие человеческие начала, которые, может быть, до этого лишь «спасли». К. Симонов в стихотворении «Дом в Вязьме» очень емко передает этот переворот в человеческой душе:

В ту ночь, готовясь умирать,
Навек забыли мы, как лгать,
Как изменять, как быть скупым,
Как над добром дрожать своим.
Хлеб пополам, кров пополам —
Так жизнь в ту ночь открылась нам...

Причастность к священной общности Родины складывается из миллионов сверхсильных связей любящих друг друга душ. Именно этот тайный закон силы народа и красоты создающих его людей открыл К. Симонов в знаменитом стихотворении «Жди меня, и я вернусь»:

Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Но такая же неразрывная связь душ сохраняется и с павшими. В стихотворении Твардовского «В тот день, когда окончилась война...» есть, безусловно, гениальные строки, пушкинского уровня:

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там, сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить — безмолвны...

Это поэтическая формула вечности Родины.

Архетип-3: Трагическая вина и ее искупление

В одном из своих самых поздних, исповедальных стихотворений, Твардовский написал:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же... (1966)¹⁴.

¹⁴ Твардовский А. Т. Поэмы. Стихи. / сост. М. И. Твардовская. М. : Правда, 1987. С. 439.

Здесь засвидетельствовано очень глубокое и тонкое переживание того, что обычно называется «трагической виной», а также отчасти выражается в народной поговорке «без вины виноватый». В чем ее суть? Поздний немецкий романтик Ф. Геббель писал о трагической вине следующее: «в отличие от первородного греха христианской религии, не определяется направленностью человеческой воли, но происходит уже оттого, что у человека вообще есть воля, упрямое и своенравное стремление распространить границы своего “я”; вот почему для драмы вполне безразлично, что приведет героя к поражению — стремление превосходное или стремление недостойное»¹⁵.

Тем самым, трагическая вина следует из самой священной общности людей — если гибнет кто-то, то другой ощущает это как *свою* вину, хотя в логическом отношении это бессмысленно. Однако вследствие такого якобы «иррационального» чувства дальнейшая жизнь выживших наполняется новым нравственным смыслом — жить так, чтобы сделать за других то, что ни не успели. Это *жизненное искупление трагической вины*. Таков третий важнейший архетип поэзии о Войне, который определяет ее непрерывное воздействие на последующие поколения.

Вообще, чувство судьбы — не как слепой, но именно как *благой неотвратимости* весьма свойственно русской поэзии о Войне. Например, А. Ахматова могла написать даже так¹⁶:

И наши танки мчались, как судьба,
Пересекая чуждые равнины...

В стихотворении Я. Смелякова «Ода младшему лейтенанту» есть такие великолепные строки:

Был он раненым и убитым
в достопамятных тех боях.
Но ни гордости, ни обиды
нету вовсе в его глазах.

Это русское, видно, свойство
нам такого не занимать —
силу собственного геройства
даже в мыслях не замечать.

В этих строках мощно явлено ощущение судьбы именно как «благой неотвратимости». Однако невозможно все время оставаться в таком героическом мироощущении и «не замечать» трагедии. Если же основой мироощущения становится именно бесконечный трагизм жизни, то тогда рождаются такие страшные стихотворения, как «Эшелон» А. Межирова:

Волховстрой. 41-й год.
За проступки такого рода
Стенка или штрафная рота —
Меньше Родина не дает.

¹⁵ Геббель Ф. Слово о драме // Избранное в 2 т. / Ф. Геббель. Т. 2. М.: Искусство, 1978. С. 565—566.

¹⁶ Ахматова А. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 51.

— В чем же перед войной и миром
Так заведомо виноват
Этот ставший вдруг дезертиром,
Чуть отставший от всех солдат?
— Если так вот поступит каждый,
Мы не выиграем войны, —
И поэтому жизнь отдашь ты
В искупление невинны.

Невинны... Но непоправимо
Ты отстал уже навсегда,
И холодные ключья дыма
Оседают на провода.

Возможен ли после этого катарсис? Катарсис происходит так или иначе всегда, но он бывает разным. Например, О. Берггольц он выразился как опыт непостижимости жизни как трагической Тайны, повергающей человека в немоту. Об этом — в другом стихотворении О. Берггольц уже 1945 года:

Мне не поведать о моей утрате...
Едва начну — и сразу на уста
в замену слов любви, тоски, проклятий
холодная ложится немота...

В стихотворении 1946 года она понимает, что уже обречена на немоту:

Я никогда не напишу такого.
В той потрясенной, вещи немоте
ко мне тогда само являлось слово
в нагой и неподкупной чистоте.

Но теперь являются призраки былого. Однажды поэтессе явился призрак погибшего мужа:

Хозяином переступил порог,
гордым и радостным встал, любя.
А я бормочу: «Да воскреснет бог», —
а я закрещиваю тебя.

крестом неверующих, крестом
отчаянья, где не видать ни зги,
которым закрещен был каждый дом
в ту зиму, в ту зиму, как ты погиб...

И вот, она читает Псалом и крестит призрак, как это делали десятки поколений ее православных предков.

Вероятно, катарсис в этих «Стихах о себе» (1945):

...И вот в послевоенной тишине
к себе прислушалась наедине...

Какое сердце стало у меня,
сама не знаю — лучше или хуже:
не отогреть у мирного огня,
не остудить на самой лютой стуже...

И все неукротимей год от года,
к неистовству зенита своего
растет свобода сердца моего —
единственная на земле свобода.

Пушкинская «тайная свобода» и сила «самостоянья» — это главный нравственный *дар* опыта Войны.

Впрочем, катарсис опыта войны может переживаться и весьма весело, даже весьма «прагматично», как у С. Орлова в стихотворении «Две притчи»:

Заведи себе врага,
Чтобы жить на всю железку,
Весело, рискованно, резко,
В солнце, в дождик и в снега.

Враг да будет не дурак,
Умный, злой и беззаветный.
Каждый твой неверный шаг
Видит он и бьет за это.

Собран будь. Себя бойцом
Ощущай не понарошку.
Лучше водку пить с врагом.
Чем с глупцом копать картошку.

Мало кто из поэтов той эпохи ощущал в себе некое особое высшее призвание хранителя народной памяти — такова истинно русская скромность. Но ведь нужно же было кому-то сказать и об этой миссии. Это сделано в стихотворении Виктора Кочеткова «Весть»:

«Поэзия — весть», — утверждает Овидий.
Судьбою приказано мне
Быть вестником тех корпусов и дивизий,
Что в Вечном сгорели огне.

Я — воин, которого шлют Фермопилы,
Чтоб знали во все времена,
Какою огромной ценою купила
Победу родная страна.

Грядущему весть я несу из былого
О тех, кто не может прийти.
Мне надо сказать их заветное слово,
Чтоб право на смерть обрести.

Поэт не имеет права умереть, не оставив о них слово вечной памяти.

Наконец, есть случай «катарсиса без катарсиса», когда потеря безвозвратна и невосполнима ничем, а сама война — неизбывная рана. Она дает такой опыт безысходной тщеты земного бытия, который сам по себе есть огромное духовное прозрение, недоступное «естественному» человеку, живущему радостями и тревогами мира сего, но открывающееся только перед лицом Вечности. Об этом у Евгения Винокурова в «Москвичах» (1953):

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвой
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

Но даже это несет катарсис для всех живущих потом, по точной формуле Федора Абрамова: «Мы и сегодня живы ими»¹⁷. И этого бывает достаточно — одной лишь верной памяти о них и верности их подвигу. Потому что, как сказал А. Твардовский:

Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Но «мертвые» оставили нам свое вечное завещание, которое было многократно изречено поэтами. Например, Сергей Орлов сказал его так:

Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.
Вырастут на свете люди,
Что еще не родились,
Смерти никогда не будет —
Будет жизнь.

Поэтам великой Войны «оказалась ближе иная поэтика, ритмически “консервативная”, уместающаяся — целиком — в классические, никакими ветрами и бурями не поколебленные размеры... Поэтика, передающая напряжение и бег времени, его сверхчеловеческие перегрузки — не через взрыв поэтической формы, ее раскованность, освобождение от “узды” метра, а, напротив, через *обуздание* вихря, поэтическое единоборство с ним, через введение стихии в классически строгие берега поэтической дисциплины, победу гармонии над дисгармонией»¹⁸. Поэтому перед предельностью опыта Войны новомодные «аван-

¹⁷ Абрамов Ф. Чем живем-кормимся. Л. : Сов. писатель, 1986. С. 386—387.

¹⁸ Коган Л. Перечитывая Войну. С. 166.

гардные» изыски формы осыпались, как трухлявая шелуха, и обнаружилась неизменная и непреодолимая мощь классической поэтической формы — единственной, способной выдерживать и воплощать такие экзистенциальные и смысловые перегрузки.

Исследование русской военной поэзии позволяет постигнуть особый смысловой «пласт» русской культуры, чрезвычайно важный для повышения жизнеспособности народа. В 2004 году вышла книга одного из «знаковых» авторов для современной русской философии А. Г. Дугина «Философия войны». В ней была сформулирована парадигма осмысления войны в рамках живой традиции русской православной философии. Вот как А. Г. Дугину удастся в одной яркой формулировке объединить этические, мистические, экзистенциальные, культурологические и эсхатологические смыслы Войны:

«Отказ от войны, бегство от войны, неготовность к войне свидетельствуют о глубоком вырождении нации, о потере ею сплоченности и жизненной, упругой силы. *Тот, кто не готов сражаться и умирать, не может по-настоящему жить.* Это уже призрак, полусущество, случайная тень, несомая к развеванию в пыли небытия. Поэтому везде, даже в самой мирной из цивилизаций — в христианской цивилизации, никогда не прекращался культ войны и культ воина, защитника и хранителя, стража тонкой формы, которая и давала нации смысл и содержание. Не случайно так почитаем православными Святой Георгий, воин за Веру, заступник за православный люд, спаситель еще земного, но уже православного (т. е. уже ставшего на небесные пути) царства»¹⁹.

Война выявляет не только зло, накопившееся в мирной жизни, но и самый глубокий внутренний закон самой жизни. Суть этого закона состоит в том, что жизнь человека, народа и вообще любой общности людей (например, семьи) продолжается до тех пор, пока ради этой жизни люди способны на добровольный подвиг и жертву; а если такая способность иссякает, и каждый начинает думать только лишь о своем эгоистическом интересе, то жизнь деградирует и прерывается. И в войне, и в мирной жизни побеждает тот, у кого способность к подвигу и жертве оказывается большей.

Неисчерпаемый опыт русской поэзии периода Великой Отечественной войны в настоящее время становится все более насущным, будучи живым источником знания того опыта победы над Смертью и Неправдой, которого так остро недостает современным поколениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов А. М.* В огне Великой войны: Проблематика. Стиль. Поэтика. — Воронеж : Центр.-Чернозем. Кн. изд-во, 1987. — 510 с.
2. *Абрамов А. М.* Лирика и эпос Великой Отечественной войны: Проблематика. Стиль. Поэтика. — М. : Сов. писатель, 1975. — 559 с.
3. *Абрамов Ф.* Чем живем-кормимся. — Л. : Сов. писатель, 1986. — 528 с.
4. *Ахматова А.* Соч. в 2 т. Т. 2. — М. : Правда, 1990. — 432 с.
5. *Бердяев Н. А.* Судьба России. — М. : АСТ, 2005. — 333 с.

¹⁹ Дугин А. Г. Философия войны. М. : Яуза, 2004. С. 121.

6. Геббель Ф. Слово о драме // Избранное в 2 т. / Ф. Геббель. Т. 2. — М. : Искусство, 1978. — С. 565—570.
7. Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы. — Л. : Сов. писатель, 1988. — 488 с.
8. Гусев В. Александр Твардовский // Два Александра: Критические статьи / В. Гусев. — М. : МГО СП России, 2008. — С. 22—45.
9. Дугин А. Г. Философия войны. — М. : Яуза, 2004. — 256 с.
10. Коган Л. Перечитывая Войну (Литературно-критические очерки). — М. : Худ. лит., 1975. — 320 с.
11. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. — М. : Минувшее, 2005. — 80 с.
12. Твардовский А. Т. Аркадий Кулешов // Собр. соч. в 5 т. / А. Т. Твардовский Т. 5. — М. : Худ. лит., 1971. — С. 25—51.
13. Твардовский А. Т. Поэмы. Стихи / сост. М. И. Твардовская. — М. : Правда, 1987. — 448 с.
14. Терапиано Ю. Избранные стихи. — Вашингтон : Изд. кн. маг. Victor Kamkin, Inc., 1963. — 112 с.
15. Юнгер Э. Из философской прозы // Иностранная литература. — 1991. — № 11. — С. 210—226.
16. Turner E. Communitas, Rites of // Encyclopedia of Religious Rites, Rituals, and Festivals / Ed. Frank A. Salamone. — N.Y. : Routledge, 2004. — P. 103—109.